

Дмитрий БИЛЕНКИН

МОРЕ ВСЕХ РЕК

Фантастический рассказ

В этом краю песков и болот сосна была всем. Она вечным убором покрывала неяркую землю, плотным строем приступала к околицам деревень, из нее ладили нехитрое хозяйство, складывали дома, мастерили зыбки. Смолистый запах с первым вздохом входил в легкие младенцев, ветровой шелест хвой сопровождал всех, когда они малолетками бегали в лес по грибы, взрослея, целовались там до рассвета, возмужав, пахали, сеяли, жали пещедрый по этим местам колос, а когда умирали, то их опускали в сосновый гроб, а новые поколения продолжали все тот же извечный круг, и так же над ними шумели сосны, так же смолист был привкус ветра, который летел над тощими полями, мхами болот, рыхлыми песками увалов и просинью кротких озер. Так длилось все века, сколько здесь жили люди, и только двадцатый на излете своих дней снес одну из деревенок соснового края, воздвиг на ее месте научный городок со всем могучим арсеналом средств познания природы, и Стожаров, сын бесчисленных поколений здешних Стожаровых, прежде чем до конца опробовать новую гигантскую установку проникновения в глубь материи, привычно вдохнул даже среди металла и пластика чуть-чуть смолистый воздух бывшего детства.

Затем он нажал кнопку, возбудив силы, перед которыми были ничто все молнии, когда-либо грохотавшие над его деревушкой.

Затем он увидел вспышку.

После ничего не стало.

А когда сознание обрело себя, то не обнаружилось ни света,

ни формы, ни боли, ни звука, ни другого проявления мира, как будто, сохранив свое «я», Стожаров стал бесплотен в столь же бесплотной вселенной. Падение спросонья в черную невесомость было бы слабым подобием этого ощущения. Стожаров помнил себя, он мыслил и чувствовал, он существовал, но в чем? И как? Ничего не было, даже просвета пространства, даже намек на форму, ничего.

И все-таки было нечто, ибо сознание ощущало свою как бы во что-то вклеенность. Вязкую в себе самом или вовне по-меху. Ужас не постиг Стожарова именно потому, что все опередила попытка освободиться, столь же произвольная и оставляющая все выяснения на потом.

Сознание рванулось из этой вклеенности прочь.

И тут оно услышало голос.

— Не надо, так вы погубите все...

Голос никому не принадлежал, ниоткуда не исходил, он так же не имел аналогии, как и то состояние, в котором очутился Стожаров. Голос был, вот и все. В одно озаряющее мгновение Стожаров понял, что это не звук из внешнего мира, но эхо собственных мыслей, а... Далее мысль не шла. Но даже такое осознание подействовало успокаивающе, ибо спасительную догадку «Я мыслю, значит, существую» сменила более надежная: «Я не один, значит, тем более существую...» Вдобавок — или это показалось? — сама бесформенная вязкая стеснительность стала теплеть, как если бы ее, словно тугой пеленочный кокон, прогрели чьи-то бережные объятия.

— Где я?

Странно и дико было услышать свой голос, слова, в рождении которых даже намеком не участвовали рот, гортань, легкие. Это полное, так очевидно давшее себя знать отсутствие тела едва не захлестнуло новым ужасом, но тут прозвучал ответ:

— Случайно вы оказались там, куда вашей цивилизации еще идти и идти. Не торопитесь с выводами. Что вы не в силах понять, я сам объясню.

Пауза, тишина. Ее оказалось достаточно. Голос был так спокоен, он сказал уже столько, что вся буря чувств тут же стихла, сменившись тем жгучим, пронзительным, одновременно холодным напряжением души, которое отрешает исследователя от всего побочного, когда внезапное дрожание какой-нибудь стрелки прибора готово выдать тайну природы или, наоборот, лишить всяких надежд на открытие.

— Так, хорошо, — произнес Голос. — Теперь можно кое-что сказать о том, что вы называете жизнью и смертью...

Как ни был Стожаров готов к подобному обороту, в нем все содрогнулось, ибо он ясно и окончательно понял, что его как человека, судя по всему, уже нет, а есть нечто, для уяснения которого человеческие представления бессильны, и в этом непонимаемом он теперь существует.

— Напрасное беспокойство, — тот другой, нечеловеческий, похоже, улавливал малейшие оттенки чужой мысли. — Просто ваша цивилизация пока знакома с единственной формой жизни и только ее считает возможной.

— Нет, нет, это не так! — поспешно, может быть, слишком

поспешно возразил Стожаров. — В теории, еще больше в фантазии мы допускаем любые формы существования, не белковые, а, скажем, кремниевые, даже плазменные...

— Это все не то, — вроде бы даже со вздохом ответил Голос. — Все ваши фантазии лишь бледная тень действительных возможностей и осуществлений. Нас, далеко ушедших, вы ищете во вселенной, пытаетесь уловить наши радиопередачи, удивляетесь, не видя астроинженерных чудес, ничего не находите и начинаете думать, что нас нет вообще. А все не так. Чтобы ответ не показался вам диким, пеленым, фантастическим, чтобы он не поверг вас в смятение, для начала сообразите простую вещь. Не надо фантазий, элементарная диалектика: как скажете первый ее закон на цивилизации, позади которой не тысячи, как у вас, а миллионы лет истории?

— Ну, это дважды два — четыре. — Привыкший уважать свой ум, Стожаров даже слегка оскорбился. — Ясно, что такая цивилизация неизбежно обретет новое качество, станет иной, чем была. Дальше простор вариантов, все число которых не охватит никакая фантазия. Например, разум переводит себя из биологической оболочки в более долговечную, скажем, машинно-кристаллическую. Или еще что-нибудь, вплоть до мыслящего океана, хотя это, по-моему, несерьезно. Словом, мы об этом думали, проигрывали разные варианты, просто это далеко от наших теперешних забот, поэтому мало кого интересует. Я и представить не мог...

Он запнулся, вспомнив, кому и в каких условиях все это говорит.

— Так что же в действительности? — прошептал он, немея. — Что?..

— Смелее, — позвал Голос. — К чему ведет первое качественное изменение?

— Понял... — все тем же немеющим шепотом проговорил Стожаров. — За ним новое развитие, новый переход, новое... Да сколько их было у вас за миллионы-то лет? Ведь это страшно... Ужас!

Последнее слово вырвалось невольно. Лишь теперь Стожарову по-настоящему, во всей безмерности открылась та даль, куда он должен был заглянуть. Даль иного будущего, от которой он отшатнулся и от которой не мог избавиться, потому что уже был в ней... безвозвратно. Очевидно, так, иначе к чему бы весь разговор?

— Подождите! — вскричал он. — Но разум, его воля, пусть законы развития, но как же это... Всем камням лететь по траектории?! Да к чему тогда все, зачем устремления, если хочешь или не хочешь, а меняйся, переходи... И во что? Кто вы есть, что вы есть, кем были, хорошо ли вам теперь?!

— Вот это ближе, — одобрил Голос. — Разрешите ответный вопрос. У вас есть фантазии, даже гипотезы о преобразовании человека со временем в машиноподобное тело, в киборга или как там во это еще называете. Вас устраивает такая перспектива?

— Меня — нет, — честно сознался Стожаров. — Не хочу быть навозом истории, годным лишь для того, чтобы на человечестве, как на перегнутом, возросла цивилизация каких-то там

киборгов. Пусть эта новая цивилизация будет лучше, совершенней, я не хочу! Да, да, возможно, я выгляжу тем самым рамапитеком, который взвыл бы с тоски, шепни ему кто, что придется расстаться с родными лианами и баобабамы, переделаться в человека, переселиться в клетушки города, мудрить над приборами... Но я не рамапитек! Слышите? Тот ничего представить себе не мог, того законы природы влекли, как щепку в потоке, а со мной извольте считаться! Я сам исползую законы природы, а это кое-что значит... Человечество да пребудет во веки веков! Иначе зачем все?

— Иначе зачем все... — эхом отозвался Голос. — Позвольте еще вопрос. Почему некоторые ваши ученые, считают переход человеческого разума в иную оболочку не только возможным или необходимым, но и благоприятным делом?

— Они полагают неизбежным создание искусственного сверхчеловеческого интеллекта. Они считают, что им будет принята эстафета нашей культуры. Сверх того, они надеются, что наш разум войдет составной частью в машинный и тем самым человек обретет в новом качестве если не бессмертие, то...

— Достаточно. Мыслящий смертен, а это для него нестерпимо. Живу, думаю, чувствую, но что бы я ни делал, все равно обречен, исчезну, истлею. Думать об этом жутко, только это еще не весь ужас. Он в неизбежности. Неизбежность, вот против чего восстает человек, да и любой разумный, какое бы солнце ему ни светило. Что вы сами только что отвергли? Не смерть. Перспективу жизни, раз в ней неизбежно превращение всего вам родного во что-то неузнаваемое. Этому вы сказали: не хочу! А те, с кем вы так спорите, восстали против другой, сегодняшней, неизбежности. Они в машинах увидели шанс одолеть смерть, как самую злую неизбежность.

— Так, значит, они правы? Значит, нам придется... Вы сами... Вы-то неужели тот самый машинный сверхмозг?!

— Я ничего не говорил об осуществимости ваших гипотез, предположений и фантазий, пока что я лишь чутьочку проявил устремление ваших собственных желаний. Не более. Оценить достоверность своих опасений касательно торжества машинного интеллекта, если это вас так волнует, вы можете сами, с моей стороны тут достаточно лишь намека.

— Так дайте! Хотя, собственно, к чему весь этот разговор? Зачем?

— Он неспроста... — Голос как будто заколебался. — Он и для меня важен. Сейчас желательно максимальное, насколько это возможно, ваше понимание ситуации, в которой вы очутились. А нарек... Каким было первое научное представление людей о месте их планеты в мироздании? Оно было обратное действительному. Что можно сказать о первой гипотезе зависимости скорости падения тел от их веса? То же самос. Вспомните далее причудливую судьбу идеи превращения элементов или совсем недавний ваш спор о природе света. И так далее. Намечается закономерность, не правда ли?

— Ясно. — Ощущай Стожаров себя как тело, он, вероятно, стиснул бы зубы. — Вы намекаете, что как только мы начинаем задумываться о новом и сложном для нас предмете, пер-

вые наши о нем догадки чаще всего содержат лишь крупицу истины, а то и вовсе все ставят с ног на голову. Да, мы такие... Так откройте же наконец истину! Надеюсь, уж вы-то владеете абсолютной?

Стожаров тут же обозвал себя идиотом. Поздно. Раздраженная насмешка отлилась в слова, показав его тем, кем он никак не хотел выглядеть: сопляком. Впрочем, какая разница?

— Все нормально, — успокоил Голос. — Я ничуть не обижен, скорей восхищен. Даже в такой ситуации вас больше интересует судьба рода, чем ваша собственная, поскольку о ней вы пока не задали ни одного прямого вопроса, хотя на душе у вас весьма неспокойно. Для разума вашего уровня такое поведение редкость.

— Я просто-напросто исследователь, — буркнул Стожаров. — Мне все интересно... Ладно, так в чем же неверны наши теперешние представления?

— Вам мешает весь прежний жизненный опыт. Руководствуясь им, вы упорно связываете будущее личности и судьбу разума с конкретным телом, неважно, белковым или небелковым, одиночным или множественным, раздельным или слитным. Попробуйте отрешиться от этого узкого представления.

— То есть как? — удивился Стожаров. — Представить существование не в конкретном теле, не одиночное и не множественное, не раздельное, но и не слитное, а... Вы смеетесь! Да легче вообразить безугольный куб, чем бытие ни в чем и, в сущности, нигде...

— Однако вариант, который вы с ходу отвергаете, считая его невозможным, невысказанным, был перед вашими глазами всегда.

— Что, что?

— Телевидение.

— Телевидение?!

— Да. Ваш в нем образ. Каков он и где? Он рассеян в пространстве. Находится на экранах. Одновременно законсервирован в видеолентах, может там храниться и снова ожить, заполнить собой пространство в любой день после вашей смерти. Вот вам грубый пример существования чего-то и в точке, и в огромном объеме, в конкретном теле и вне его, в данный миг времени и любой другой.

— Но это же образ, слепок, а вы говорите о личности, ее разуме... Хотя...

Стожаров задумался. Скульптура, портретная живопись, далее фотосъемка, кино, голография, перевоплощение внешности, отлет образа, его все более самостоятельное, множественное, на века, существование... Затем уловленный, сохраненный, тоже отдельный от человека голос. Та же самая эволюция! По каплям, по частностям осуществляемое бессмертие внешнего, наиболее простого, легче всего достижимого. Вот же к чему дело идет! Так, так, верно. Стоп! Это все внешнее, несущественное. Сознание, разум, человеческое «я» тленно, как было, тут ничего, ничего не изменилось, за все века, за все тысячелетия тот же обрыв, то же вместе с телом исчезновение. Хотя...

— Я идиот, — повторил Стожаров. — Я слеп как десять тысяч кротов. Мысль — а разве она не частичка личности? — с развитием письма, книгопечатания, электроники обрела небывалое долготелie. Тысячелетия меж мною и Гомером, Платоном, Аристотелем, но, читая их произведения, я же соприкасаюсь с их разумом, чувствами, ощущаю их личность... Это факт. А компьютеры, бездушные компьютеры? Их логика. Это мы ее вложили, это наша логика, это отчасти мы сами. Если синтезировать все — образ, голос, запечатленную мысль, — если добавить, если развить, смело глянуть вперед на века, представить возможное, а точнее, кажущееся невозможным...

— Вот именно, — сказал Голос. — Кто никогда не видел домов, для того котлован стройки лишь грязная яма, а камни фундамента начало и конец спешно возводимой ограды. Вполне естественная ошибка, не так ли? Сходным образом для вас самих выглядит ваш собственный, едва начатый труд над бессмертием, поскольку вы еще не можете представить себя вне и помимо той оболочки, в которую вас заключила природа. Но рано или поздно вам откроется смысл и перспектива. Не вы одни, все разумные восстают против смерти как воплoщения неизбежности. В безбрежное и вечное море жизни со временем вливаются все цивилизации, если, конечно, не иссякают по дороге, не самоуничтожаются, что, понятно, тоже бывает. Уж тут неизбежности нет никакой...

— Хорошо, хорошо, — почти лихорадочно перебил Стожаров. — А осуществление? Само осуществление? Ваше вечное море жизни, какое оно? Оно непостижимо для меня, да? Как и способ его достижения?

— Принцип прост. Разум есть свойство высокоорганизованной материи, верно?

— Конечно!

— Что же в принципе запрещает разуму какую угодно форму материи и где угодно организовать так, как это необходимо для его существования и перемещения?

— Вот оно что... — была бы возможность стукнуть себя с досады, Стожаров не преминул бы это сделать. — Ну да, ну конечно! Природа дала нам немного, а мы научились строить дома, перемещать их хоть под воду, хоть в космос. Еще десять, еще сотня шагов по тому же пути и... Ах, черт! Сотня ли? Те же компьютеры — это всегда лишь руда, электричество и... и организация всего этого в сложную форму материи! Ведь ничего больше, а в результате уже какое-то подобие мысли, разума, уже предсознание... Это сегодня, сейчас, тогда как дальше... Какие там, к дьяволу, роботы, киборги, прочая элементарщина! Все не то, все лишь ступенька, нижняя опора для... Слушайте, я больше не могу, мысль путается. Как... как вы живете?! Где вы есть, какие вы есть?!

— Спросите у луча, где он, когда летит, и что с ним стало, когда он упал. Спросите себя, где и в чем вы живете: только ли на земле? Может быть, еще в океанских глубинах, в космосе уже ваш дом? В книгах, которые существуют века? В радиоволнах, которые уносят ваш образ и речь к другим звездам? Соедините все представления — и будет отдаленный, как эхо, ответ, какие мы и в чем живем. Облачко, — мы и его

можем сделать своей обителью, глубинная структура вакуума — и она пригодна. У нас нет формы, нет тела, потому что для нас всё — тело. Вы убеждаете себя, что это невозможно представить, но то, что вам кажется фантастичным, всегда было перед вашими глазами. Не вы ли только что поняли: в любой глыбе уже таится компьютер, надо лишь ее преобразовать? А в чем таилась вся жизнь, все деревья, все животные, вы сами, когда на планете еще и белка не было? В песке, воде, ветре, в свете солнца. В чем скрывались песчинки, капли дождя, шум ветра, когда не то что планета, но и звезды клубились туманностью? Все возможности уже зрели там, среди галактической плазмы, потоков частиц, колебаний вакуума. Все во всем, все во всем! Так всегда и везде, весь секрет нашего могущества в умении быстро реализовать нужные возможности. Вы сами уже отчасти владеете им, потому что из камня, из энергии рек, из света и электронов творите компьютеры, космические корабли, образы голографии или даже искусственные сердца, которыми заменяете свои изношенные... Короче, вы движетесь по той же дороге, что и все разумные, где бы они ни начинали свой путь.

— И вам хорошо? — вырвалось у Стожарова.

Глухой вопрос, он тут же его устыдился. Хорошо ли почувствовал себя рамапитек на его месте?

Голос ничего не ответил. Он спросил свое:

— Хорошо ли вам сейчас?

— Плохо.

— Однако вы существуете. Мыслите, чувствуете, познаете. Вы живете.

— Но как? Я ли это?

— Взамен утерянного вы приобрели бессмертие.

— Бессмертие?

— Наш способ жизни — это почти то же самое.

— Я не просил! С какой стати? Или это ваш... ваш надо мной эксперимент?!

— Скорей ваш.

— Мой?

— Ничей, если быть точным. Вы готовили установку, хотели раздвинуть пределы своего проникновения в материю. И нанесли ей удар. Вам казалось, что вы предусмотрели последствия, но все предусмотреть не дано ни вам, ни нам. Случайно ваш удар пришелся по структуре, которая в то мгновение была мной. Мы бессмертны, но это не абсолют. Мы, как и все в мире, уязвимы. А ваш удар...

— Я не знал!

— И не могли знать, а я мог предугадать, мог остеречься, но... Возможно могущество, безошибочность — нет. Наспех отражая удар, я вдруг понял, что этим убиваю вас. Что я успевал и мог, то я сделал: вы остались живы.

— А мое тело...

— Стоит ли о нем вспоминать? Взамен — вечность.

— Веч...

Голос Стожарова дрогнул и оборвался. Все-таки в нем теплилась надежда. Теперь с ней было покончено. Все, больше он не принадлежит семье человечества. Теперь перед ним веч-

ность. Нет, не вечность... Иное. То, чему нет названия в человеческом языке, нет настолько, что даже Голос не подобрал подходящего слова.

Как ни был он подготовлен, но его сознание в ужасе отпрянуло от этой бездны, которая на деле была не бездной, наоборот, вершиной разума, такой непомерной вершиной, что там, на ней, быть может, и звездами играют, как легкими шариками одуванчика на весеннем лугу.

Свыкнуться с этим? Принять?!

— Будущее вас пугает. — Голос вроде бы дрогнул. — Напрасно... Вам кажется, что всегда будет так, как сейчас, темно, глухо, пусто. Нет. Вы пока словно бабочка в коконе, ведь чтобы спастись и спасти, мне пришлось как бы вклеить вас в себя. Наши структуры связались, переплелись; подробности излишни, вы не поймете. И не нужны, потому что это состояние не навсегда. К тому же пока есть выбор.

— Какой? — все рванулось в Стожарове при этом слове.

— Вы уподобитесь мне. Или я верну вас в прежнее состояние. Потихе, потихе, я же предупреждал, что вы можете все испортить... Вот так, хорошо.

— Но...

— Не торопитесь решать! — поспешно сказал Голос. — Вам хочется обратно, назад, это понятно. Но подумайте о другом варианте. Перед вами распахнется вселенная. Хотите увидеть все странные, чудесные, диковинные для вас пейзажи мириада планет? Вы сможете. Мы сами не знаем предела своей жизни, и вы не будете знать, а облететь Галактику так недолго, так просто... Вам откроются тайны природы, какие не дадутся человеческому уму и через тысячу лет, — великие, грозные, прекрасные тайны. Хотите их знать? Да, вы никогда уже не изведаете вкус земной пищи, не вдохнете весенний воздух, кожей тела не ощутите соленое касание морской волны. Приобретения — всегда потери. Но взамен! Взамен мудрость многих и разных цивилизаций, тонкость их дружбы, любви. Не снисваая вам власть над материей. Миллионы недоступных вам чувств. Зрение, которое вам даст не семицветную, а тысячецветную радугу. Слух, который позволит услышать бурю звездных протуберанцев и шорох растущих в земле кристаллов. Бесконечность и здесь. Наконец, деятельность куда более грандиозная, чем все о ней человечьи мечты. Вы и от нее откажетесь? Я все сказал. Теперь выбирайте: вперед или назад? Решайте, пока не поздно.

— Но почему, почему вы меня уговариваете? — вскричал Стожаров. — Кто я для вас и зачем? Если назад так просто, то к чему...

— Вы должны выбрать. Так надо. И поспешите: мои возможности велики, но я не в силах долго удерживать время. Как скажете, так и будет. Но торопитесь!

Смолкло все.

Стожаров снова и уже бестрепетно взгляделся в приотворенную перед ним даль. Она завораживала. В ней было все, к чему мог стремиться ищущий ум. Все и даже больше того, о чем мечталось. Там, впереди, был не просто великий, могучий, ослепительный, но и добрый мир, ибо лишь его обитатель

мог в мгновение внезапной и грозной опасности побеспокоиться еще и о беспомощном чужаке. Конечно! Недобрый мир не смог бы уцелеть при таком своем могуществе.

Все было так, будущее призывно блистало всеми красками. И не оставалось сомнения, пригоден ли для него слабый человеческий разум; раз позвали, то позаботятся, проведут через все циклы качественных перемен, что-нибудь сделают.

Всей силой дерзкого желания Стожаров рванулся вперед. Туда, туда, к морю всех рек, куда человеческому разуму тянуться еще тысячи, может быть, миллионы лет! Что он оставляет, что?

Все прежнее предстало перед Стожаровым, как в перевернутом бинокле. Маленький человек с мелкими страстями на крохотной планете, мотыльковая на ней жизнь, ее неизбежный затем обрыв, и уже все, и уже никогда ничего не будет. Чего он лишился, что могло удержать? Все мимолетно, как тот воздух, который он напоследок втянул в свои легкие. Ведь нет ничего уже, только память. Она с ним пребудет навсегда, он унесет ее в любые звездные дали и там, под нездешними солнцами или в загадочной глубине вакуума, как в детстве, его опашнет смолистый запах сосны и в нем оживут... Или не оживут?

Стожаров попробовал представить, и тотчас, из ниоткуда, накатила запах нагретой солнцем хвои, защебетали птицы, предстали лица друзей, и все, что было с ним прежде и сопровождало весь его род, вернулось к нему с этим запахом, этим ветром, что всегда летел над неброским краем песков и болот, одинаково входил в легкие младенцев и стариков, одинаково нес всем сладость земли и жизни, вечной, пока есть кому беречь и продолжать, множить и украшать и взметать ее к звездам.

— Время! — поторопил Голос.

— Я человек и не могу иначе, — сказал Стожаров. — Спасибо за все, но каждый должен пройти свой путь, и у каждого есть свой долг перед родом. Я остаюсь.

— Жаль, — помедлив, сказал Голос. — Мое предложение не было ни искусом, ни опытом чистого альтруизма, как вы мимолетно подумали. Все и сложнее и проще. Мы оказались спаянными так неразрывно, что ваше возвращение назад сопряжено для меня с потерей вроде ампутации. Мне хотелось избежать этого урона, но ничего не поделаешь.

— Пойдите! — рванулся Стожаров. — Почему вы не сказали этого раньше?! Я согласен! Согласен!

— Нет. Выше всего моральный закон, он мне велел поступать так, как я поступил и как поступлю, потому что в уступке нет добровольности. Ни о чем не тревожьтесь — и прощайте.

...Когда сознание снова вернулось к Стожарову, он услышал голос врача.

— Непостижимо, но после столь долгой клинической смерти нам удалось его вытянуть. Все-таки удалось! Такого еще не было никогда...